

Наши англичане / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 23 января, 2025

Наши англичане / рассказ НАШИ АНГЛИЧАНЕ

В вагоне на стеганом диване валялась небольшая переплетенная тетрадка. Я взял ее и развернул. Это был путевой дневник, забытый каким-то путешественником.

Выписываю три последние страницы.

1 февраля. Ментона, столица чахоточных, славится своими легочными туберкулами. В отличие от картофельных клубней, которые живут и произрастают в земле для того, чтобы питать и утучнять человека, этого рода растительность живет и произрастает в человеке для того, чтобы питать и утучнять землю.

Этим научным определением я обязан здешнему любезному и ученому врачу.

Ищу гостиницу. Мне рекомендуют Гранд Отель России, Англии, Германии и Нидерландов. Воздав дань уважения космополитической ловкости хозяина, водворяюсь в этом лазарете, который кажется пустым, до того он велик.

Затем я совершаю прогулку по городу, живописно и уютно расположенному у подножия внушительной горы (см. путеводители); встречаю людей, на вид больных, которых водят на прогулки другие люди, на вид скучающие. Здесь снова попадаются кашне (к сведению натуралистов, которых, может быть, обеспокоило бы их исчезновение).

Шесть часов. Возвращаюсь в гостиницу к обеду. Обед сервирован в большом зале, рассчитанном на триста гостей, в котором, однако, приютилось только двадцать два человека. Они входят один за другим. Вот прежде всего англичанин, высокий, бритый, худой, в длинном сюртуке в талию, с широкими, как юбка, фалдами; рукава плотно облегают тонкие руки этого господина, как чехол облегает зонтик. Это одеяние напоминает мундир отставных капитанов или инвалидов и сутану духовного лица;

спереди на нем нашит ряд пуговиц, обтянутых черным сукном, как и их хозяин, и тесно посаженных друг подле друга, наподобие шеренги черных тараканов. Напротив выстроился ряд петель, словно в ожидании их, что наводит на игривые мысли.

Жилет замкнут по тому же методу. Владелец этого одеяния, по-видимому, не принадлежит к числу весельчаков.

Он мне кланяется; я отвечаю таким же вежливым поклоном.

Явление второе. Три дамы, три англичанки, – мать и две дочери. У каждой на голове взбитый яичный белок, что меня несколько удивляет. Дочери так же стары, как мать. Мать так же стара, как дочери. Все три – тонкие, с плоским фасадом, высокие, медлительные и негибкие; зубы у них торчат наружу, чтобы внушать страх кушаньям и людям.

Приходят и другие завсегдатаи – все англичане. Только один из них толстый и красный, с белыми баками. У каждой женщины (а их четырнадцать) на голове взбитый белок. Я замечаю наконец, что это блюдо – головной убор, сделанный из белых кружев, а может быть, из легкого, как пена, тюля, хорошо не знаю. Он как будто не подсахарен. Впрочем, все эти дамы напоминают маринад, и хотя среди них имеется пять молодых девушек, не слишком некрасивых, но все они плоски, безнадежно плоски.

Я вспоминаю стихи Буйле:

Мой ангел, не грусти о худобе своей,
Пусть грудь твоя плоска – тем ближе буду к сердцу,
И, точно в клетке дрозд, смотря в сквозную дверцу,
Мечтает там амур среди твоих костей.

Два молодых человека, более молодых, чем первый англичанин, облечены, как и он, в сюртуки духовного покроя. Это светские священники с женами и детьми, называемые пасторами. На вид они более опрятны, более серьезны и менее любезны, чем наши кюре. Но я не променяю бочонок последних на тонну первых. У всякого свой вкус.

Как только все гости оказались в сборе, главный пастор произносит по-английски что-то вроде Benedicite [1], весьма длинную молитву, которую весь стол выслушивает с умиленным

видом.

[1] «Благословите» (лат.) – предобеденная молитва у католиков.

После того как, не спросив меня, мою пищу посвятили таким образом богу Израиля и Альбиона, все принялись за суп.

В большом зале царит торжественное молчание – молчание, по-видимому, ненормальное. Я предполагаю, что мое присутствие неприятно этой колонии, в которую до сих пор не проникала ни одна паршивая овца.

Особенно женщины сохраняют чопорные и натянутые позы, словно боятся уронить в тарелку свои наколки из сбитых белков.

Наконец главный пастор обращается к своему соседу, пастору второго ранга, с несколькими словами. К несчастью, я немного владею английским языком и с изумлением слышу, что они, возобновив разговор, прерванный перед обедом, толкуют некоторые места из Книг пророков.

Все благоговейно слушают.

И вот меня против моей воли начинают угощать невероятными цитатами:

«Я изолью воды для тех, кто жаждет», – сказал Исаяя.

Я этого не знал. Не знал я и всех тех истин, которые были изречены Иеремией, Малахией, Езекиилем, Илиёй и Аггеем.

Все эти несложные истины проникли в мой слух и жужжали у меня в голове, как мухи:

«Пусть алчущий просит пищи».

«Воздух принадлежит птицам, как море – рыбам».

«Смоковница производит смоквы, а пальма – финики».

«Человек, который не слушает, не удержит в памяти учение».

Насколько шире и глубже наш великий Анри Монье, который устами одного человека, бессмертного Прюдома, изрек больше блистательных истин, чем все пророки, вместе взятые!

На берегу моря он восклицает:

«Океан прекрасен, но сколько пропадает земли!»

Он формулирует вечную мировую политику:

«Эта сабля – лучший день моей жизни. Я сумею ею пользоваться, чтобы защищать власть, которая мне ее дала, а в случае нужды –

и для того, чтобы напасть на эту власть».

Если б я имел честь быть представленным окружающему меня английскому обществу, я, несомненно, поразил бы его изречениями нашего французского пророка.

После обеда все перешли в гостиную.

Я одиноко сидел в углу комнаты. В другом конце обширного покоя клан бриттов, казалось, составлял какой-то заговор.

Внезапно одна из дам направилась к фортепьяно.

Я подумал:

«Ага, немножко мюзик! Тем лучше».

Она открывает крышку инструмента, садится за него, и вот вся колония окружает ее, как батальон солдат, – дамы в первом ряду, мужчины позади.

Уж не собираются ли они спеть оперу?

Главный пастор, превратившийся в хормейстера, подымает руку, опускает ее, и ужасный вопль, которому не подберешь имени, вырывается из всех этих ртов, запевших какой-то священный гимн.

Женщины пищали, мужчины ревели, стекла звенели. На дворе гостиницы завyla собака, другая откликнулась ей из комнаты.

Растерянный, взбешенный, я обратился в бегство. Решил пройтись по городу. Не найдя ни театра, ни курзала, ни другого какого-либо увеселительного заведения, я вынужден был вернуться домой.

Англичане все еще пели.

Я лег спать. Они все еще пели. До полуночи они пели хвалу господе самыми фальшивыми, самыми крикливыми, самыми неприятными голосами, какие мне когда-либо приходилось слышать; я укрылся одеялом, но тот страшный дух подражания, который заставлял целый народ нестись в пляске мертвецов, обуревал меня, и я стал напевать:

Скорблю о господе, о боге Альбиона,

Которому хвалу споют среди салона.

И если слух его верней.

Чем у его возлюбленных детей,

И ценит он очарованье.

Ум, красоту и дарованье,
И любит музыку притом, –
Я не хотел бы быть творцом.

Наконец мне удалось заснуть, но я видел кошмарные сны. Мне снились пророки верхом на пасторах, пожирающие взбитые белки на черепах.

О ужас! О ужас!

2 февраля. Как только я встал, я тотчас спросил у хозяина гостиницы, ежедневно ли эти варвары, наводнившие его гостиницу, повторяют свое ужасное увеселение.

Он с улыбкой отвечал мне:

– О нет, сударь, вчера было воскресенье, а вы ведь знаете, как они чтут воскресенье.

Я отвечал:

Ничто не свято для попов:

Ни уши бедного соседа,

Ни сон его, ни час обеда;

Но помните без дальних слов:

Вы это пенье прекратите,

Не то я в поезд – и простите.

Содержатель гостиницы был немного удивлен, но обещал сделать им замечание.

Днем я совершил очаровательную прогулку в горы.

Вечером снова присутствую при той же Benedicite. Затем перехожу в гостиную. Что они будут делать? В течение часа они не делают ничего.

Вдруг та же самая дама, которая вчера аккомпанировала пению гимнов, направляется к фортепьяно, открывает его. Я вздрогнул в испуге. Она начинает играть вальс.

А молодые мисс принимаются танцевать.

Главный пастор по привычке отбивает такт на коленке. Англичане приглашают дам и принимаются вертеть, вертеть, вертеть взбитые белки, вертеть, как вертят мороженое.

Это все-таки лучше. За вальсом следует кадрили и полька.

Не будучи никому представлен, смиренно сижу в углу.

3 февраля. Снова очаровательная прогулка к старому Кастеляру, великолепным развалинам в горах, – на каждой вершине сохранились остатки укрепленного замка.

Трудно себе представить более красивое зрелище, чем эти руины крепостей среди хаоса скал, над которыми поднимаются снежные вершины Альп (см. путеводитель). Местность восхитительная.

За обедом я, по французскому обычаю, самолично представляюсь моей соседке. Она мне не отвечает. Английская вежливость!

Вечером – английский бал.

4 февраля. Экскурсия в Монако (см. путеводитель). Вечером – английский бал. Присутствую на нем в роли зачумленного.

5 февраля. Экскурсия в Сан-Ремо (см. путеводитель).

Вечером – английский бал. Я по-прежнему в карантине.

6 февраля. Экскурсия в Ниццу (см. путеводитель). Вечером – английский бал. Я ложусь спать.

7 февраля. Экскурсия в Канны (см. путеводитель). Вечером – английский бал. Пью чай в своем углу.

8 февраля. Воскресенье и мой реванш. Поддел-таки я вас, негодяи!

Они снова напустили на себя умиленный вид, приличествующий праздничному дню, и приготовили голоса для песнопений.

Но перед обедом, прокравшись в салон, я кладу ключ от фортепьяно в карман и говорю дежурному слуге в конторе:

– Если господа пасторы спросят, где ключ, скажите, что я его взял, и попросите их пожаловать ко мне.

За обедом обсуждают кое-какие не вполне ясные места священного писания, разъясняют отдельные тексты и устанавливают генеалогию библейских персонажей.

После этого переходят в гостиную. Направляются к фортепьяно. Общее смятение. Совещаются. Весь клан, видимо, потрясен. Взбитые белки, кажется, готовы разлететься. Наконец главный пастор отделяется от остальных, выходит из салона и затем

возвращается. Спорят, бросают на меня негодующие взгляды, и вот три пастора, выстроившись в ряд, направляются ко мне в качестве парламентариев. В них действительно есть что-то величественное.

Они раскланиваются со мной. Я встаю. Старейший держит речь:

– Сударь, мне сказали, что вы взяли ключ от пьяно. Дами котел ее имет, чтобы пет гимни.

Я отвечаю:

– Господин аббат, мне вполне понятна просьба этих дам, но я не могу ее исполнить. Вы, сударь, человек религиозный, я также, и мои убеждения, несомненно, более строгие, чем ваши, заставляют меня воспрепятствовать тому кощунству, которое вы совершаете.

Я не могу допустить, господа, чтобы вы, прославляя бога в песнопениях, пользовались тем же музыкальным инструментом, под звуки которого всю неделю плясали молодые девушки. Мы, сударь, не устраиваем в церквях публичных балов и не играем кадрили на органах. То, что вы так пользуетесь этим фортепьяно, меня возмущает и приводит в негодование. Можете передать мой ответ вашим дамам.

Все три пастора, огорошенные, удалились. Дамы, по-видимому, были поражены. И они запели свой гимн без аккомпанемента.

9 февраля. 12 часов дня. Хозяин гостиницы только что предложил мне съехать. Меня изгоняют по просьбе всех англичан.

Встречаю трех пасторов, которые, видимо, следят, уеду ли я. Я направляюсь прямо к ним. Раскланиваюсь.

– Господа, – говорю я, – вы, кажется, весьма сведущи в священном писании. Я сам немало его изучал. Я даже немного знаю древнееврейский. Так вот, мне хотелось бы предложить на ваше рассмотрение один вопрос, сильно смущающий мою совесть католика.

Ведь кровосмешение на ваш взгляд отвратительное преступление? Не так ли? Между тем библия приводит нам пример, крайне смущающий верующего.

Лот, во время его бегства из Содома, был, как вам известно, соблазнен двумя своими дочерьми и, будучи лишен жены, превращенной в соляной столб, не устоял против соблазна. От

этого двойного и ужасного кровосмешения родились Аммон и Моав, от которых произошли два великих народа, аммонитяне и моавитяне. Жница Руфь, разбудившая Вооза, чтобы сделать его отцом, была моавитянка.

Не сказал ли Виктор Гюго:

...Когда, обнажена,
Руфь-моавитянка легла к ногам Вооза, –
То луч неведомый ей обещала грёза
В миг пробуждения от сна.

Сей неведомый луч породил Овида, который был пращуром Давида.

А разве господь наш Иисус Христос не был потомком Давида?

Три пастора, ничего не отвечая, растерянно переглянулись.

Я продолжал:

– Вы можете мне возразить, что я говорю о родословной Иосифа, законного, но бесполезного супруга Марии, матери Христа. Ведь, как всем известно, Иосиф не принимал никакого участия в рождении своего сына. Следовательно, от кровосмешения произошел Иосиф, а не богочеловек. Согласен. Добавлю, однако, два соображения. Первое – это то, что Иосиф и Мария, будучи в родстве, имели одних и тех же предков, а второе – не возмутительно ли заставлять нас читать впустую десять страниц генеалогии?

Мы портим себе глаза, чтобы узнать только то, что А родил Б, Б родил В, В родил Г, Г родил Д, Д родил Е, а когда мы уже одурели от этой бесконечной канители, то добираемся до последнего, который никого не родил. Право, господа, ведь это, можно сказать, верх мистификации!

Тут все три пастора сразу, как один человек, повернули ко мне спины и обратились в бегство.

Два часа. Я сажусь в поезд, еду в Ниццу.

...

На этом дневник заканчивался. Хотя автор этих заметок проявил в них крайне дурной вкус, пошлый ум и большую дозу грубости, тем не менее я подумал, что они могут предостеречь некоторых

путешественников от опасностей, которые угрожают им со стороны путешествующих англичан.

Прибавлю от себя, что бывают премилые англичане; я таких знавал, и немало. Но обычно не они являются нашими соседями в гостиницах.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 10 февраля 1885 года.

...в отличие от картофельных клубней. – В оригинале игра слов, построенная на двойном значении слова, означающего «турбекулы» и «клубни».

Анри Монье – см. примечание к «Мужчине-проститутке».

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 5. МП «Аурика», 1994

Перевод Г. Рачинского Некауалар